

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Булинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожелания №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не боится
Одноклассники smert!
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир

РЕЦЕПТ ИДЕАЛЬНОЙ МЕЧТЫ

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Л64 Литвинова, Анна Витальевна.
Рецепт идеальной мечты : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Знаменитый тандем Российского детектива. Новое оформление).

ISBN 978-5-699-98397-1

В библиотеке произошло похищение века. Исчезло около сотни редких книг и рукописей. Журналист Дима Полуянов, друг сотрудницы «Исторички» Нади Митрофановой, явился за сбором «жареных» фактов и предположил, что наводчиком был кто-то из своих, библиотекарей. Вскоре Диму вызвал к себе главный редактор газеты и предложил ему командировку в Америку. Дескать, по сведениям ФСБ, похищенные книги находятся у миллионерши Полю Шеви и с ними работает наш профессор Васин. Полуянов должен взять интервью у Полю и узнать все про книги. Полуянов просит Надю проследить за сотрудницами библиотеки. В результате этой слежки она едва не погибла, а когда убили ее начальницу, Надя, сняв все сбережения, на крыльях страха полетела в Америку навстречу настоящему кошмару...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98397-1

Пролог

Он не заметил, что за ним следят.

Ему и в голову не могло прийти, что за ним кто-то может следить.

Да кто он такой, чтобы за ним следили!

Он вышел из метро «Китай-город» (по-старому «Площадь Ногина»). Вышел на Маросейке, наискосок от Политехнического музея, — из того выхода, где аптека.

Не спеша, по-школьному помахивая портфелем, пошел вниз, вдоль Ильинского сквера, в сторону Солянки.

До историко-архивной библиотеки от метро можно было дойти тремя путями. Он каждый день чередовал их. Однажды он прочитал, что верный способ борьбы со склерозом — выбирать разные пути от работы до дома. Кроме того, во время ходьбы ему часто приходили в голову разные полезные мысли.

Но сегодня солнце светило так не по-зимнему ярко, что ни о какой работе думать не хотелось. Думалось о чем угодно, но не о работе.

«Вот эта блондинка впереди, в дубленочке и длинных сапогах на шпильке — она ничего. Ножки пряменькие, дубленочка коротенькая, и каблочки так деловито выстукивают: цок-цок-цок. Подойти бы к ней и сказать какую-нибудь чушь. Вот только... Какую чушь? Никогда не знакомился с женщинами на улицах. Не пора ли научиться? Ученикам своим говорю: мол, надо все на свете испытать, а сам — ни разу не знакомился с женщинами

на улице. Может, нужно переломить себя — да взять и познакомиться?..

А если она вдруг пошлет? Я ж не «новый русский» в кашемировом пальто. Пальтишко так себе. Да еще и прыщи. Как у старшеклассника. У ученичка моего, Васьки, такие же прыщи... Нет, у него не *такие же*. У него их больше. У меня все-таки меньше. Надо же, мне тридцать два года — и прыщи. Это от неправильно-го питания. И от нерегулярной половой жизни. Следовательно, для того чтобы избавиться от прыщей, надобно жениться. Хотя далеко не факт, что, получая жену, ты приобретаешь регулярный секс и правильное питание. С моей бывшей я как-то не распробовал ни того ни другого.

Какое счастье, что она от меня ушла. Даже неохота думать, где она, с кем она. Вычеркнул я ее из своей жизни, и бог с ней. Пусть живет с кем хочет. И где хочет.

А что блондинка?

Так и идет впереди, даже чуть вилять задиком стала. Почувствовала, наверное, мое внимание. Может, в самом деле — познакомиться? Как мои студенты говорят — прикольтнуться?..

А от прыщей лучше всего лекарство... Как его... Забыл... Я ж только сегодня подслушал в курилке, девчонки с первого курса обсуждали... Надо же, когда подслушал название, казалось, на всю жизнь запомню... Простое такое название... Что-то на К или на З... «Кразазин» какой-то... Или «Крабозин»... А может, и «Каразмин»... И вот что теперь прикажете делать? Прийти в аптеку и спросить: «Дайте мне мазь от прыщей»? Нельзя, будет смех. Все уставятся. Да ведь и мазь дадут не ту.

Вообще это, конечно, хамство: тридцать два года, кандидат исторических наук, без пяти минут доцент — а бог награждает тебя прыщами.

Кто-то из японцев — Акутагава, кажется — писал:

все, что с тобой случается, это награда, или наказание, или предостережение, или предвозвестие... А что прыщи? Они наградой быть не могут. Значит, наказание?.. Интересно знать, за что? Может, за робость? Или за мастурбацию?..

Или они, прыщи, — предостережение?..

...А блондинка так и цокает впереди шагах в пятнадцать... Но не оглядывается... Неужели я опять упущу женщину на улице? Сколько я за такими шел-шел — а потом упустил... Как было бы хорошо, если бы приняли закон, чтоб каждый человек на улице — в стиле замятинского «Мы» или «Прекрасного нового мира» Хаксли — носил на себе какие-нибудь плакатики — с описанием самого себя. Или хотя бы нашивки. И сразу по ним можно было бы определить: кто есть кто. Я бы себе одну нашивку повесил, что я — кандидат наук. А другую — что у меня недавно статья в Штатах вышла, о семействе Потоцких, в «American Slavic and East European Review». А третью — что у меня ежемесячный доход более пятисот долларов: зарплата, конечно, ни к черту не годится, но имеются зато три богатеньких ученичка... Вот были бы на мне такие нашивки — любая, глядишь, согласилась бы со мной познакомиться. А когда она знать не знает: кто я, что я, возьмет и окатит меня холодным взглядом. И скажет: «Мужчина! Да что вы себе позволяете!..» И пойдет себе дальше. А ты стой как дурак. И все прохожие вокруг улыбаются — в твой адрес».

Он (и блондинка впереди) дошли по Ильинскому скверу от памятника героям Плевны до Солянки — до того места, где раньше был магазин «Колбасы», а теперь новый магазин — «Русский деликатес». Блондинка вроде бы собралась переходить улицу и стала ждать, когда в потоке машин образуется разрыв. Расстояние между ними сократилось шагов до десяти, а то и семи. Он почувствовал холодок в груди и понял, что сейчас он, навер-

ное, подойдет к ней и что-нибудь ляпнет. И вдруг стало нестерпимо страшно, как в детстве перед прыжком головой вниз с пирса. И тут блондинка сама обернулась к нему. Она и вправду была хорошенькой. Она пристально посмотрела на него. Может, сама хочет познакомиться с ним? Или, наоборот, упредить его и сразу послать куда подальше?

Он все шел и шел на нее, стоявшую на месте, и расстояние между ними сократилось, пожалуй, уже до пяти метров.

И тут у блондинки в руке что-то блеснуло. Затем она подняла эту руку и направила на него. Он продолжал по инерции идти, и между ними осталось не более четырех шагов. В этот момент он сообразил, что блондинка держит в руке не что иное, как пистолет, черный и длинный. Затем рука блондинки слегка дернулась, и в ту же самую секунду что-то легонько ударило его в грудь. «Что за странная манера, — подумал он, — расхаживать по улицам с игрушечным пистолетом. И обращать на себя внимание, стреляя пулями в прохожих».

Однако у него почему-то вдруг закружилась голова. Он совсем не хотел этого, но был вынужден сесть — прямо на холодный асфальт. Он видел, как блондинка выскочила прямо на проезжую часть, к ней быстро подъехала белая машина, она открыла дверцу и исчезла внутри авто — все было проделано быстро, как в детективных фильмах про мафию. Машина резко взяла с места.

А он по-прежнему сидел на тротуаре. К нему никто не подошел. Все равнодушно и торопливо проходили мимо. Он попытался встать на ноги, но это ему почему-то не удалось. Странно, почему? Никакой боли он не чувствовал. Однако вот в середине груди что-то легонько жгло. Он, сидя, опустил глаза и увидел, что вся грудь его пальто отчего-то залита чем-то красным. И этой красной жидкости почему-то становится все больше.

Он еще раз попытался встать, но ноги не слушались его. Наоборот, улица опять стала кружиться перед ним, а через секунду он почувствовал, как его голова, которой он почему-то тоже уже перестал владеть, ударилась об асфальт. Еще через секунду он потерял сознание.

И больше в сознание не приходил.

Приехавшей через пятнадцать минут «Скорой» оставалось только констатировать его смерть.

Глава 1

НАДЯ МИТРОФАНОВА

Винтовую лестницу, что вела в хранилище редких книг, в Историко-архивной библиотеке называли «поцелуйной». Узкая, витиеватая, с чугунными ступенями, она осталась от прошлого века. Сохранились и прихотливо-узорчатые перила, и массивные фонари пообочь. На стене висела гравюра, тоже старинная: пышноусый гусар кокетничает с гризеткой.

Студентам-читателям — основным поцелуйщикам — ход сюда был заказан: директор распорядился повесить кодовый замок. А сотрудницы в библиотеке — дамы воспитанные, на лестницах амуры крутить не будут. Да и не с кем — мужчин в библиотеке всего трое: директор, Задейкин — начальник отдела редкой книги да сторож. Директор — зануда, старичок-профессор. Задейкин — ученый червь. А от сторожа Максимыча вечно чесноком пахнет.

Надя Митрофанова поцелуйную лестницу терпеть не могла. И ступеньки скользкие, и тетка хранилищная, Нина Аркадьевна, — вредина страшная. Чуть опоздаешь сдать тома — разнос устраивает. Но что делать — каждый вечер приходилось сюда ходить. Правила в Историчке строгие: ровно в девять, после закрытия библиотеки, нужно отволочь в хранилище редкие книги (оставлять их в читальном зале до утра категорически воспрещалось). Издевательство какое-то: несешь тяжеленную стопку книг, да еще и извиваешься вместе с ней по крутым лестничным изгибам. Темно, скользко и страшно. Один раз Надя таки оступилась, упала, пересчитала

боками все ступеньки. Синяков понабивала и сломала каблук на новых туфлях — вся премия на ремонт ушла. Разозлившись, Надя даже хотела пойти к директору и потребовать для хранилищной лестницы ковровой дорожки и яркого света — да сослуживицы уверили: директор, ревнитель старины, все равно откажется «опошлять раритет». А ей, Наде, из-за «раритета» каждый вечер мучиться. Полумрак, тишина, гусар на гравюре сверкает зубами, ступени скользят и стонут.. Того и гляди, *Ординатор* появится.

В любой, даже в районной, читальне имеется свое собственное привидение. А уж в историко-архивной библиотеке (год основания — одна тысяча восемьсот пятьдесят пятый!) о штатном *духе* состряпали целую легенду и обязательно рассказывали ее новичкам и гостям. Впрочем, часть легенды подтверждалась документально. Надя сама читала полицейские отчеты в рукописном архиве.

Местное привидение называлось *Ординатором*.

Бедный студент-медик, влюбленный в богачку из позапрошлого века, все надеялся выучиться и выйти в люди. Дневал и ночевал здесь, в Историчке, мечтал об императорской стипендии... Но невеста устала от его обещаний стать *модным доктором* и пошла под венец с обеспеченным старикашкой. А безутешный ординатор взял и повесился — прямо тут, в библиотеке. Надя своими глазами читала об этой истории — и в «Московских ведомостях», и в полицейских архивах. Даже фотографию ординатора видела — молодой, красивый, бледный... Где именно, интересно, он повесился — вдруг на этой самой поцелуйной лестнице? А что, вполне может быть — вон, под потолком крюк висит..

А дальше уже начиналась мистика. *Дух Ординатора*, говорили, до сих пор порой бродит по библиотеке. Одет во все черное, а лицо — белее первого снега. Он то показывался в архиве, то забредал в каталоги, то завывал громче лихого ветра на чердаке... Лично Надя никогда *Ординатора* не встречала — а все равно вечерами, когда

вокруг тишь и только неистребимые мышцы попискивают, как-то боязно.

Одна радость — стопка книг сегодня совсем легкая. «Трутенъ» 1769 года да худенькая брошюрка Плиского о происхождении рекламы. Даже смешно из-за такой ерунды в хранилище идти. За «Трутнем» профессор Есин все равно завтра с утра снова придет, а Плиский — всего-то 1894 года выпуска, подумаешь, редкость, еще из-за него в хранилище тащиться.

Надя сегодня справлялась одна — начальница зала уехала пломбировать зуб. Молодой библиотекарь Митрофанова всегда стеснялась прогонять профессоров раньше срока и потому избавилась от читателей только в начале десятого — и то сторож Максимыч помог, заглянул в зал, рыкнул: «Але, доценты! Закрываемся!» Надя пошла запирать окна. Возмущенно заметила, что у бегонии (рядом со столом доцентши Крючковой!) опять отщипан лепесток. Вот гадская тетка! Бегония-то только прижилась! Надя бросилась подмазывать пораненный стебель специальным растительным пластилином, замазала, взглянула на часы: божечки, уже полдесятого, а у нее еще книги в хранилище не сданы! Сейчас Аркадьевна ее прикончит! Надя пулей вылетела из зала. Сотрудники уже разбежались, верхний свет был потушен — только аварийные лампочки по стенам мерцали. «Как хорошо, когда тихо!» — Надя быстро шла по коридору и влюбленно вслушивалась в поскрипывание паркета и шелест метели за окном. Уставшая после целого дня работы, общения, шума, она вдруг подумала: «Была бы вся Историчка моей! Безо всяких читателей. Уютно, спокойно...» Она улыбнулась неожиданной глупой мысли. Чего только в голову не придет, когда устанешь...

Вот и коридорчик-кишка. По правой стороне выстроены ящички предметного каталога, а в конце — поцелуйная лестница. Надя сунулась в карман за магнитным ключом-карточкой, а когда подняла глаза... увидела, что от окна метнулась размытая, страшно черная тень. *Ординатор?*

— Кто здесь? — звонко крикнула Надя и услышала, что голос ее дрожит.

Никого. Только гудит в темноте вечера вьюга, да каталожные ящики, презрительные и стройные, мерцают медными ручками. Почудилось.

Надя подошла к двери в хранилище, вставила карточку в прорезь замка. Дверь распахнулась, поцелуйная лестница развернулась сталью ступенек... И тут Надя явно услышала сторожкие, бархатные шаги. Кто-то то ропливо шел по каталожному коридору.

— Максимыч, ты? — позвала она. Не иначе сторож примчался на ее первый выкрик.

Тишина. От поцелуйных ступенек веет стальным холодом, гусар с гравюры насмешливо скалит зубы. Надя пулей ринулась вниз по лестнице, ворвалась в хранилище. Нина Аркадьевна, уже одетая, встретила ее недовольным:

— Митрофанова! Опять позже всех?!

— Цв-веты поливала... — пролепетала Надя.

— Давай, расписывайся! — Хранительница раздраженно швырнула ей ручку.

— А наверху там, кажется, *Ординатор*, — прошептала Надя, расписываясь в сдаче «Трутня» и Плиского.

— Что ты там бурчишь? — сердито переспросила Нина Аркадьевна. Она как раз заправляла под шапку волосы и не слышала Надиных слов.

Надя повторять не стала.

Хранительница не глядя швырнула Надины книги на полку, схватила сумочку, сообщила:

— На электричку из-за тебя опоздаю!

— Извините, — склонила голову Надя.

Ее покорность Нину Аркадьевну только раззадорила:

— Завтра с начальницей твоей поговорю. Чтоб книги сдавала вовремя, — злорадно пообещала она.

«Чтоб тебя *Ординатор* по дороге пришиб!» — подумала Надя и еще раз вежливо повторила:

— Извините меня, пожалуйста.

Этой ночью Надя спала отвратительно. Стоило закрыть глаза, как на нее начинал наступать темный коридор с каталожными шкафчиками, и поцелуйная лестница с ледяными ступенями, и черная, страшная тень *Ординатора*. И некому было ее разбудить, обнять, развеять кошмар... Ах, если бы она была не одна! Не одна не только сейчас. И еще хорошо бы, если б она жила не сегодня — не в этой, современной, суматошной и несправедливой жизни. Спускалась бы она по той же поцелуйной лестнице в пышном шелковом платье, и случайно наступила бы на оборку, и скользнула башмачком с узкой ступеньки... А рядом — ОН. Дворянин. Опора. Защитник. Всегда поддержит, подхватит, может быть, поцелует...

Надя в полусне била ладонью по кровати, все пыталась достать его: вдруг он где-то рядом, совсем близко к ней — верный, сильный, уверенный в себе человек, и он прижмет ее крепко-крепко, и утешит, и прошепчет на ушко ласковые слова...

Но Надя просыпалась и понимала, что она — снова в одиночестве разметалась на постели, и за окном — только ночь, и пурга, и равнодушный, колючий снег.

Уставшая от кошмаров, Надя включила ночник, повалялась, послушала завывания ветра. «Почему, когда снег, так есть хочется? Нет, ночью кушать нельзя. Вредно».

Живот возмущенно заурчал. Надя вздохнула и прошлепала на кухню. Что она, даже чаю не может себе позволить?

Холодильник сиял чистыми полками: зарплата только послезавтра. «Была б я разумной — купила бы на последний столик курицу. И бульончик был бы, и мясо — в сухарях можно обжарить. Калорий немного, и для желудка полезно». Но курицы, увы, в холодильнике не имелось. Вместо нее Надя накупила конфет и сушек. Верный, конечно, гастрит, да и килограммы лишние — зато вкусно.

Ее единственный верный рыцарь — такса Родион —

припелся на скрип паркетных досок. Умильно крутил хвостом, преданно взглядывал в глаза.

— Лицемер ты, — вздохнула Надя, швыряя ему конфету.

Она заварила себе зеленого чаю — маленький реверанс здоровому образу жизни. Взяла четыре сушки и две конфеты «Мишки на Севере». Остатки лакомств остервенело засунула на самую дальнюю полку, чтоб больше соблазна не было. Хрустнула сушкой. Задумалась. Мысли текли вразброд, иногда сталкивались, натываясь друг на дружку. «Интересно, про *Ординатора* — это все-таки правда? Или — показалось? Когда вьюга — чего только не примерещится... А сушки хорошие, свежие, и маку на них много... И что я все мечтаю о длинных платьях да о позапрошлом веке? Совсем, что ли, дура, клуша библиотечная?! Неужели кому-то это сейчас нужно?!»

И память услужливо подкинула: ее недавний знакомый Вадим, молодой доцент. Глаза грустные, лицо умное, и галстук дорогой. Надя припомнила, как пили они кофе с восхитительными пирожными и он говорил: «Вам, Надежда, следовало бы родиться не сейчас. Представляете: девятнадцатый век, усадьба, все неспешно, величаво, красиво... «Над всем, что она делала, говорила, над каждым ее движением носилась тонкая, легкая прелесть, во всем сказывалась своеобразная, играющая сила...» Это, несомненно, о вас...»

Надя даже вздрогнула, когда Вадим слово в слово, без запинки, процитировал милую ее сердцу «Первую любовь».

— Вы любите Тургенева? — строго спросила она.

— Люблю. Я не гонюсь за модой, — ответил Вадим, остро впиваясь в нее своим грустным взглядом.

Ну и что, где теперь этот Вадим? Исчез и даже телефона не оставил. «Я тебе позвоню!» — сказал. Какие дурацкие, пошлые, лживые слова!

Родион привалился к Надиной ноге: мокрый нос греет, он у него мерзнет.

«Нет, с мужиками мне не везет. Интересно, может, это болезнь такая? *Хроническое безмужчинство*. Может, у ме-